

Оригинальная статья / Original article

УДК 165.9

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-125-137>

История формирований представлений о реальности Шаг третий: мифо-логика времени

© А.И. Шафоростов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Рассматривается процесс формирования и развития образов и представлений о времени и вечности в античности. Проводится анализ различных подходов и концепций понимания специфики мифических представлений о времени в античности, связанных как с космосом, так и повседневной жизнью античного полиса. Выявляется присущее мифу понимание времени, включающее особую «логику времени». Делается вывод, что за отдельными мифами греки стремились увидеть рациональную связанность представлений о времени, основанную на рациональном осмыслении исходных мифических представлений. Выявляются основные моменты усложнения представлений о времени в связи с развитием полиса. В качестве одного из важнейших факторов развития представлений о времени рассматривается измерение времени в суде. Показывается связь усложнения представлений о времени с представлениями о биографичности гражданина полиса. Дается анализ смыслового поля представлений о времени в классической античности на основе обращения к концепциям Гераклита и Парменида и учению Платона и Аристотеля. Выявляются наиболее существенные пункты истолкования понятий хронос, эон, кайрос. Делается вывод о том, что критическое осмысление исходных мифических представлений о времени было связано с ростом и развитием системы полисов, где усложнение социальных отношений с необходимостью вело к возникновению измерительных техник времени, к усложнению представлений о времени жизни человека, к возникновению фундаментальных идей о природе времени и понимания вечности. При этом спецификой отношения греков ко времени являлось господство мифического по своим истокам представления о важности «сегодня» и «теперь».

Ключевые слова: мифическое время, логос, хронос, эон, кайрос, историческое время, измерение времени, время в суде, полис

Для цитирования: Шафоростов А.И. История формирований представлений о реальности. Шаг третий: мифо-логика времени // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 125–137. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-125-137>

History of formation of the ideas about reality. Step three: mytho-logic of time

© Alexander I. Shaforostov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The process of formation and development of images and ideas about time and eternity in antiquity is considered. The analysis of various approaches and concepts of understanding the specifics of mythical ideas about time in antiquity both related to the cosmos and the daily life of the ancient polis is carried out. The author reveals the myth's inherent understanding of time, which includes a special "logic of time". It is concluded that based on a rational understanding of the original mythical ideas the Greeks sought to see the rational connectedness of ideas about time behind individual myths. The main points of complication of ideas about time in connection with the development of the policy are revealed. As one of the most important factors in the development of ideas about time, the measurement of time in court is considered. The article shows the connection between the complexity of the ideas about time and the ideas about the biographical character of a citizen of the polis. The analysis of the semantic field of time concepts in classical antiquity is based on the reference to the concepts of Heraclitus and Parmenides and the concepts of Plato and Aristotle. The most significant points of interpretation of the concepts of chronos, aeon, and kairos are revealed. It is concluded that critical thinking the source of the mythical notions of time was associated with the growth and development of policies, where the complexity of social relations with the necessity led to the

emergence of the measurement techniques of the time as well as to complicate notions of time of human life, and to rise to fundamental ideas about the nature of time and understanding of eternity. At the same time, the specific attitude of the Greeks to time was the dominance of the mythical idea of the importance of “today” and “now”.

Keywords: mythical time, logos, chronos, aeon, kairos, historical time, time dimension, time in court, polis

For citation: Shaforostov A.I. (2021) History of formation of the ideas about reality. Step three: mytho-logic of time. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 125–137. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-125-137>

Наследие и роль античной Греции в построении цивилизации и культуры огромны и многоаспектны. Включение человека и социума в реальность с неизбежностью требует постановки и решения вопросов о том, «что действительно есть?». Этот вопрос с необходимостью включает временную плоскость, т. е. отношение человека ко времени.

Выделение в качестве самостоятельной темы исследования представлений о времени древними греками связано с тем, что: 1) мифологический образ времени задает исходное видение мира; 2) категория времени фундаментальна для осмысления мира и бытия; 3) отношение ко времени является важным фактором организации жизни полиса; 4) время становится значимым элементом античной биографии; 5) появляется представление об истории и историческом времени.

Цель настоящей работы – рассмотреть общую направленность изменения представления о времени античных греков. Эта направленность кратко может быть определена как переход от мифа к логосу. Сам по себе переход от мифа к логосу стал предметом исследования достаточно давно, но традиционно он берется в контексте философии, т. е. предметом изучения становится развитие античной философской мысли. Нас же интересует мифическая и логическая составляющая представления о времени не только как философской идеи, но и как элемента исторической действительности, как фактора социальной жизни античного грека.

Как за отдельными мифами о времени греки стремились увидеть логосность времени, т.е. рациональную связанность представлений о времени? И как это стремление к открытию логосности

времени связано с жизнью греков, социальной, политической, технической, культурной?

Для раскрытия этого представления в его максимально доступной в рамках одной статьи полноте и предлагается обращение к мифо-логике времени, позволяющее увидеть как образную, так и рациональную составляющую представления о времени, и выделить основные пункты его логизации, т. е. осмысленности и выраженности. При этом открытие логосности времени должно быть связано с открытием логосности в социальной жизни.

1. Время в мифе

Образ времени в мифе имеет сложную природу и является одним из фундаментальных представлений в силу того, что без обращения к времени невозможен рассказ ни о человеке, ни о космогонии. Как отмечает известный немецкий исследователь Эрнст Кассирер (1874–1945), миф глубоко проникает в изначальную форму времени (Кассирер, 2002. С. 132). Это проникновение заключается в том, что для мифа время в мире не является застывшим, неподвижным бытием, но предстает как изменчивость. Кассирер при обращении к анализу мифологического мышления на первое место выводит *становление*, приобретающее космический масштаб всеобщей судьбы: «Все единичное и частное подчинено власти становления как всеобщего и непреклонного могущества судьбы... Сами боги не властвуют над временем и судьбой, но покоряются их изначальному закону – закону мойры» (Кассирер, 2002. С. 132), именно время тклет сеть «раньше» и «позже» для отдельных событий.

Е.М. Мелетинский отмечает, что время в мифе – это не то реальное время, к которому привык

современный человек, а исходное пра-время, особая эпоха первотворения. Поэтому когда в мифе говорится о времени, то речь идет не об эмпирическом, а о сакральном времени (Мелетинский, 2000. С. 173). Миф не обращает слушателя к эмпирическому времени, и потребность в осмыслении эмпирического времени появляется поздно, когда мифическое воззрение на мир начинает тесниться более практичным, более жизненным мировоззрением, требующем уже рационального подхода.

Мифическое время не просто сакрально в смысле обращенности к исходному пра-времени, задающему космогонию и магические ритуалы. Оно обладает особой логикой – А.Я. Голосовкер¹ называет ее «логикой чудесного», и греческая мифология является наиболее известным ее воплощением. Собственно логика мифа или логика чудесного понимается автором как снятие свойств чувственного предмета, вещи и в то же время сохранение материальности этой вещи, сохранение ее принадлежности природному, материальному, чувственному бытию (Голосовкер, 2010. С. 119).

В отношении времени логика чудесного проявляет себя произвольной игрой временем и пространством, сжимая или растягивая их по своему произволу: «Пространство остается Евклидовым, события протекают во времени, но сам чудесный акт или предмет в них не нуждается» (Голосовкер, 2010. С. 115). Для греческого мифа вполне допустимы прямые нарушения природных законов, связанных с ходом времени, что проявляется, например, в чудесном рождении уже взрослой богини Афины из головы Зевса. В мифе можно умереть (сойти в Аид, царство мертвых) и вернуться – это делают такие герои как Орфей, Геракл, Одиссей. Боги тоже могут умереть, хотя, конечно, не так как человек, смерть бога ограничена во времени, больше похожа на оцепенение и затем бог возвращается к жизни. В итоге боги и время в гре-

ческом мифе, по Голосовкеру, связаны сложной связью. С одной стороны, боги властны над временем, с другой – зависят от него, эта зависимость заключается в телесности богов, влиянии времени на бога как тело среди других (природных) тел (Голосовкер, 2010. С. 116).

Исходным представлением в греческом мифе является персонифицированный образ времени – Хронос, часто по не совсем ясным причинам отождествляемый с титаном Кроносом. О нетождественности этих образов говорят А.Ф. Лосев (Лосев, 1996. С. 749), А.И. Зайцев (Зайцев, 2005. С. 63)². Главное в образе Хроноса, характеризующее представление о времени вообще, – это чудовище, пожирающее своих детей. Так, в образе мифа нашло свое выражение исходное представление древних греков о прямой связи времени и смерти.

В дальнейшем для античной мысли при осмыслении времени на первом плане остается исходная интуиция всевластности времени (Хофмайстер, 2006. С. 398). Власть времени в земном мире практически безгранична, от времени зависит все, эта зависимость проявляется во всеобщей изменчивости, рано или поздно заканчивающейся гибелью всего существующего. «Всего существующего» – и в смысле каждой отдельной вещи, и в смысле всего космоса – так, у Гераклита мир (космос) представляет собой огонь, мерами вспыхивающий и угасающий, и в этом космическом пламени сгорает все, уничтожается каждая вещь. Гибельная природа времени признавалась многими античными мыслителями, в частности, для Аристотеля «...Время само по себе скорее причина уничтожения» (Аристотель, 1981. С. 153).

Пожирание Хроносом своих детей, т. е. разрушение созданного им же самим мира – это также и яркое образное выражение переживания мифологическим сознанием бессмысленности мира и времени. Одним из вариантов преодоления такой бессмысленности является развитие у греков мифологемы судьбы, соединяющей в себе

¹ А.Я. Голосовкер – русский и советский философ, литератор, переводчик, живший с 1890 по 1967 г. Центральной темой его работ было исследование воображения – «имагинации», в частности, анализ мифа как выражения творческого воображения.

² Зайцев А.И. Греческая религия и мифология: курс лекций. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ); М.: Издательский центр «Академия», 2005. 208 с.

представления о времени и вечности (Алексина, 2002. С. 47).

В представлении о Хроносе, пожирающем своих детей, также задается такая существенная для любого архаического мифа о времени черта как цикличность. В образе Хроноса цикличность определяется просто – ребенок рождается, Хронос его поедает и далее следует рождение (и, соответственно, поедание) следующего ребенка.

Подчеркивается, что уже в гесиодовской «Теогонии», хоть и в неотчетливой форме, присутствует представление о двух временах: первое – время несовершенного мира, цикличное по своему характеру (Кронос), второе – высшее время, содержанием которого являются эпохальные моменты в истории мира, такие как последовательное появление фундаментальных начал в виде Хаоса, затем Геи и т. д. (Ахундов, 1982. С. 84).

Интересным представляется анализ мифического времени К. Хюбнером (1921–2013), известным немецким исследователем мифа, причем миф для него – это не только часть жизни прошлых культур, но и постоянное присутствие мифа в нашей жизни, включая повседневность и науку.

Согласно Хюбнеру, античный грек, живший в мифическую эпоху, знал два вида времени. Первое – циклическое, связанное с архе, космическими началами, это «священное время», «*zatheos chronos*». Второе время открывается человеку как смертному существу – смертному в том смысле, что он не только подвержен смерти, как все живое, но и знает о неизбежности своей смерти. Второе время – необратимое, оно течет из прошлого в будущее, это профанное время, обозначаемое просто «хронос» (Хюбнер, 1996. С. 129).

Хюбнер подчеркивает, что для человека мифической эпохи (т. е. до V в. до н. э., когда появление философии и развитие культуры логоса снижает значимость мифа) не было независимого от мифа понятия времени (Хюбнер, 1996. С. 131). Возникновение рационального мышления затронуло и понимание времени, что выразилось в попытках при помощи построения по возможности непрерывных генеалогий привести мифические

истории в прямую связь с обычным временем (Хюбнер, 1996. С. 131).

Хюбнер говорит о трех этапах «примирения» мифического времени и повседневного. Первое – это этап создания непрерывных генеалогий, сведенных в одну систему. Непрерывность обеспечивалась тем, что «мифические родословные древа были втиснуты в одну систему, пропуски в которой часто искусственно заполнялись, а противоречия разрешались порой насильно» (Хюбнер, 1996. С. 132), и мифическое восприятие мира оставалось господствующим.

Второй этап связан с разветвлением исходной единой родословной, выделение узловых моментов, дающих начало новым системам родословных. Появление нескольких родословных схем хотя и произвольно по своей природе, но важно в том плане, что позволяет соотнести, поставить в единые хронологические рамки несколько ветвей божественных родословных и тем самым придать всей теогонической системе более конкретный характер.

Третий этап – когда осознаются «чудовищные временные разрывы между миром мифа и современностью» (Хюбнер, 1996. С. 133) и для их преодоления греки создают олимпийские игры, в которых первоначально, то есть в мифические времена, участвовали такие герои мифов как Геракл.

В итоге Хюбнер приходит к заключению, что обращение к критическим трудам мифографов, историков, логографов позволяет обнаружить выросшее в мифической культуре представление о времени, совершенно отличное от более поздних и от наших представлений о времени (Хюбнер, 1996. С. 133). Это представление о том, что архе – это не просто некое отстраненное священное начало, но оно есть современность. Таким образом, для мифа и его носителя, т. е. грека, живущего в мифе, видящего мир мифически, важно именно «современность священного прошлого», где прошлое не воспринимается как прошлое, но как современное.

Да, вывод Хюбнера интересен, но следует учитывать то обстоятельство, что само обращение

автора к анализу мифического представления о времени в эпоху античности, точнее в эпоху перехода от мифа к логосу, подчинено решению исходной задачи – рассмотрению места мифа в современной нам жизни. Поэтому Хюбнер не затрагивает другие аспекты мифического представления о времени, важные для нашей темы рассмотрения представлений о реальности в эпоху классической античности.

Еще одну линию развития мифического представления о времени раскрывает французский историк-эллинист П. Видаль-Накэ (1930–2006), обращаясь к вопросу о том, какие именно отношения устанавливались между временем богов и временем людей в период от Гомера до Платона (Видаль-Накэ, 2001. С. 71). Задача автора – найти причину и объяснить сумятицу времени людей, которые не могут жить только циклическим временем. В итоге выявляется следующее: Видаль, опираясь на тексты Гомера, 1) подчиняет время людей тому порядку, что посылает Зевс, но 2) Зевс не является единственным источником порядка времени богов, так как этот «сложный порядок» является 3) результатом компромисса, достигаемого между богами (Видаль-Накэ, 2001. С. 72).

Итак, в процессе перехода от мифа к логосу за отдельными мифами о времени греки стремились увидеть логосность времени, т.е. рациональную связанность представлений о времени. Как это стремление к открытию логосности времени связано с жизнью греков, социальной, политической, технической, культурной?

2. Время в полисе

Мифические представления греков о времени многоаспектны и интересны, но все-таки в классический период греческой истории миф становится частью прошлого, вытесняется из реальной жизни. Жизнь античного грека определяется жизнью полиса, и встает вопрос: какое место в античном полисе занимало представление о времени? Кратко можно сказать следующее: с развитием полиса время из мифа и космического уров-

ня переходит на уровень повседневности и биографичности. Как и почему это происходило?

Для того чтобы подчеркнуть значимость полиса в усложнении временных представлений, обратим внимание на предшествующую традицию, восходящую еще к микенской культуре. «Микенские греки воспринимали продолжительность в виде фаз, интересуясь лишь началом или окончанием процесса, повторяемостью, долготой, постоянством явления» (Фор, 2004. С. 63). При этом основу восприятия времени составляли повторяющиеся природные процессы – такие как фазы луны, времена года, вращение созвездий на ночном небе, приливы и отливы – определяли привычный ритм жизни грека.

Формирование полиса, для которого определяющим было возведение стен, отгораживающих жителя полиса не только от врагов, но и от природы, создавало основу для формирования своего собственного времени. Появление в полисе собственного времени важно в двух аспектах. Во-первых, собственное социальное время – это способ отделения от окружающего мира, обособления, автономности. Именно поэтому каждый полис вел свою хронологию, подчеркивая тем самым свою независимость от соседей. Во-вторых, – это формирование и распространение отношений одновременности, синхроничности. Синхронизация осуществлялась и на уровне полисов, и на уровне отдельного человека.

Начавшись с «времени полиса», социальное время эллинов расширилось до «времени Эллады» (Алексина, 2002. С. 47). При этом стоит отметить, что один из известных моментов такой синхронизации, позволяющий говорить о «времени Эллады», – общегреческий счет по олимпиадам – является достижением уже послеклассического времени. «Впервые он был использован раннеэллинистическим историком Тимеем из Тавромения (около 356–260 лет до н. э.), да и то далеко не сразу нашел к себе однозначно положительное отношение со стороны коллег Тимея» (Суриков, 2010. С. 128).

Что касается собственно обращения ко времени в рамках полисной жизни, то восприятие

времени и отношение к нему весьма многообразно: это и время в суде, и время стражи, также время «заполненного рынка», биографическое время (время жизненных стадий), собственно календарь (основан на лунном годе), время религиозных праздников и т. д.

Наиболее важным с точки зрения влияния представления о времени на становление социальности представляется *измерение времени в суде*. Именно необходимость осуществления этой процедуры привела к появлению собственно греческого инструмента как клепсидры, о чем говорят практически все исследователи античности. Но вот зачем нужно было измерять время выступления в суде – здесь нет ясных ответов.

Самый очевидный ответ – это необходимость ограничения судебных выступлений, чтобы завершить рассмотрение дела в разумные сроки. С этой целью и использовалась клепсидра, помогающая регулировать время в суде. Κλεψύδρα – буквально «водяной вор» – это глиняный сосуд, в котором делалось отверстие, и через это отверстие посредством бронзовой трубочки сосуд соединялся с другим, стоящим ниже. Главным в этом простом устройстве было строго отмеренное количество воды, измеряемой в хоях³ в соответствии с тем, сколько полагалось для данного вида речи. «Так, судебный день в афинском суде длился примерно 9–9,5 часа при рассмотрении государственных преступлений: на речи отводилось 11 амфор, что составляет 6 часов 36 мин. Треть времени предоставлялось обвинению, треть – защите и треть речам сторон о мере наказания. Еще проводились такие процедуры как жеребьевка судей, голосование по вердикту, окончательное голосование, получение судьями жалования» (Кудрявцева, 2008. С. 209).

«При рассмотрении частных исков время, отводимое на речи, зависело от важности и весомости иска: в среднем речи длились около сорока минут и какое-то время оставалось на вопросы и спор (обмен репликами) сторон. Время, в течение которого секретарь по просьбе тяжущегося зачи-

тывал документы (законы, свидетельские показания, контракты), не считалось, и выступающий просил приставленного к клепсидре судью «остановить воду»» (Кудрявцева, 2008. С. 209).

Но есть и другой ответ на вопрос о причине регламентации времени судебных выступлений. Р. Ханна высказывает предположение, что идея клепсидры могла быть завезена в Грецию в один из промежуточных периодов между войнами, и вхождение клепсидры в социальный контекст означало возросшую осознанность в обращении со временем. Здесь дается предположение о том, что ограничение времени направлено на достижение социального равенства: произношение речей за определенный отрезок времени должно было обеспечить выполнение такой фундаментальной характеристики демократии как достижение равенства через стандарт (см.: Афонасина, 2016. С. 423). Стоит отметить, что использование клепсидры как способа измерения и учета времени в суде позволяло участнику тяжбы поделить время выступления с одним или даже несколькими синегорами (профессиональными защитниками) (Кудрявцева, 2008. С. 212), что в определенной степени также можно оценить как способ достижения социального равенства.

Клепсидра как измерительный инструмент, позволяющий достаточно точно отмерить промежуток времени, в классическую эпоху получает применение не только в суде. Так, клепсидру использовали для организации несения караульной службы, для измерения времени театральных постановок (Афонасина, 2016. С. 424–425).

В полисе усложняется представление о времени жизни человека. Изменение представлений о времени в условиях полиса затрагивает многие сферы частной жизни греков в силу начавшейся стандартизации (Афонасина, 2016. С. 420). Жизнь греческого гражданина разделяется на несколько периодов, причем эти периоды были несколько отличны друг от друга в разных полисах, и в Афинах возрастные периоды менее структурированы чем в Спарте (Бюттен, 2006. С. 148). Ребенок, сын афинского гражданина, остается со своей матерью до поступления в школу в возрасте семи лет.

³ Хой (3,276 л) соответствовал 3 минутам.

С наступлением совершеннолетия в восемнадцать лет⁴ каждый афинский юноша становится эфебом, и два года посвящает военной службе, так как полноправным гражданином он мог стать только после военной службы. Примечательно то, что при внесении в списки демотов по достижении восемнадцатилетнего возраста городской Совет строго следил за исполнением возраста: вписанные граждане подвергались докимасии (проверке) и, если оказывалось, что данное лицо моложе 18 лет, налагалось взыскание на тех, кто составил список (Аристотель, 1937. С. 61). Понятно, что такая проверка была возможна только при строгом учете и контроле времени рождения ребенка.

В условиях полиса начинает развиваться и оформляется еще одна форма видения времени – историческая. Историческое время предполагает последовательность становления и выделение уникальных, неповторимых событий, их название и фиксацию их длительности в определенной форме.

Концепция исторического движения общества «впервые появляется у Гесиода, хотя движение времени (истории) в его «Трудах и днях» идет вспять (от железного века к золотому) и регрессивно по своей сути» (Суриков, 2010. С. 134). Идея исторического времени по своей сути предполагает не циклическую, а линейную концепцию времени, и возникает вполне очевидный вопрос: если у греков не было представления о линейной направленности времени, как у них возникло представление об истории?

Здесь предлагаются следующие варианты ответов. Первое, И.Е. Суриков считает, что история вполне вписывается в рамки циклизма, и показывает это на примере Фукидида. Автор задает вопрос: что подвигло Фукидида на создание исторического труда, почему он считал важным довести до потомков знания о прошлом? – «Да именно потому, что в будущем события могли повториться; тогда-то и пригодилось бы сохраненное знание» (Суриков, 2010. С. 134). То есть круговое (циклическое) движение времени вовсе не ис-

ключает необходимость истории как фиксации прошедшего.

Другой ответ предлагает Л.С. Клейн: внутри «циклической концепции времени постепенно складывался и другой подход ко времени – определяющий более длительные отрезки, а именно – превышающие один цикл», время начинали представлять в виде длинной линии. «Можно сказать, что вращающееся колесо времени, повторяющее все те же фазы позициями обода, отпечаталось в виде прямой колеи» (Клейн, 2015. С. 39). То есть внутри циклического времени на основе накопления соответствующих циклов начинается «выпрямление времени» и идея истории, – то есть видение последовательности событий на определенном долгом пути времени – начинает свое формирование в сознании античных греков.

3. Осмысление времени

При обращении к вопросу о том, как развивалось осмысление времени в классической античности нас интересуют следующие моменты. Первое – в каком смысловом поле шло формирование темпоральных представлений? Второе – какая терминология использовалась для осмысления времени? И третье – какие перспективы для представления о реальности вообще и времени в частности создает античная классика?

Общие границы понимания времени в античной мысли задаются двумя великими мыслителями, Парменидом (540–470 гг. до н. э.) и Гераклитом (544–483 гг. до н. э.), оказавшим прямое влияние на весь последующий ход античной мысли. В отношении времени это влияние выразилось в установлении двух полярных подходов.

Гераклит подчеркивал мимолетность, отсутствие постоянства, текучесть всего, включая время. Для Гераклита в мире царствует временность, образным воплощением которой служит текущая река. Собственно о времени в сохранившихся фрагментах Гераклита говорится всего один раз, но тема *текучести* всего является центральной для его учения. Отмечается, что «важнейшей идеей является мысль Гераклита о том, что *время не имеет под собой никаких оснований*, оно само

⁴ В других полисах это могло быть и 16 лет.

есть основание всего, причина и условие: течет не время, а вещи и процессы, существующие во времени» (Денисова, 2018. С. 217, 219).

Для Парменида, напротив, время – это «пустейшее из пустых имен», среди которых живут смертные, время «заражает язык, наводняя его пустыми именами, время заражает грамматику, заставляя нас произносить: «было», «будет»...» (Черняков, 2001. С. 39). Тезис Парменида «бытие есть, небытия нет» утверждает иллюзорность движения и ведет к отказу от «текущего, движущегося времени» как действительно существующего, бытие связывается с неизменностью, вечностью (образным воплощением вечного бытия у Парменида является сфера).

И хотя оба мыслителя специально не обращались к вопросу о времени, их общие установки, несомненно, оказали свое воздействие на проблематику понимания времени.

Говоря о Гераклите и Пармениде как авторах полярных подходов к пониманию времени, нельзя забывать о том, что их подходы не существуют в своих отдельных мирах, а задают общее смысловое поле понимания времени. Общность этих подходов⁵, в частности, отмечена известным современным исследователем античной мысли А.В. Лебедевым. Во-первых, «и у Гераклита, и у Парменида бытие соответствует «единому», а становление – «многому»», понимаемому как совокупность всех пар противоположностей. Во-вторых, вполне допустимо какое-то влияние Гераклита на Парменида. И третий момент – более вероятным представляется наличие у обоих мыслителей общего источника, а именно – пифагорейская традиция (Лебедев, 2014. С. 53).

Если идеи Гераклита и Парменида определяют границы смыслового поля понимания времени в античности, то содержание этого поля задается терминологией. Основные термины, используемые античными авторами в различных контекстах, затрагивающих изменения во времени, следующие. Наиболее известное слово, используемое для обозначения времени – $\chi\rho\acute{o}\nu\omicron\varsigma$

(хронос). Также в связи со временем часто используется $\alpha\acute{\iota}\omega\nu$ (эон) – «вечность». И третий основной термин, обозначающий время – $\kappa\alpha\iota\rho\acute{o}\varsigma$ (кайрос), «надлежащее, благоприятное время».

Каждый термин имеет различные традиции и контексты употребления в языке античных авторов, и однозначного перевода на современные языки этих терминов нет. Полными синонимами эти слова не являются, каждое имеет свое семантическое поле, и эти поля пересекаются лишь частично (Суриков, 2010. С. 136).

К прояснению их смысла сегодня обращаются многие авторы, отметим наиболее существенные пункты истолкования указанной темпоральной терминологии.

Хронос является наиболее известным и многозначным термином. Для обозначения времени важны два значения: 1) время как промежуток и 2) время как момент, точка. Основным значением хроноса предлагается следующее: « $\chi\rho\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ – это не только «время» в абстрактном, недифференцированном значении. Это нечто текущее, длящееся, протяженное. Это – промежуток времени, «линейное время»» (Суриков, 2010. С. 137).

Еще одну определенность хронос получает в соотношении со вторым основным термином, характеризующим время – $\alpha\acute{\iota}\omega\nu$ (эон), «вечность». Смысл $\eta\nu\acute{\iota}\nu\kappa\iota\delta\acute{\epsilon}$ постепенно менялся: если у Гомера оно употребляется в значении «срок жизни человека», то у Платона и в дальнейшем – в значении «бытие вселенной в ее нынешнем порядке» или «вечность», противопоставляемая земному «времени» (хроносу). Гесиод (VIII–VII вв. до н. э.) называл золотой, серебряный и т. д. века словом $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, т. е. «поколение» (Савельева, Полетаев, 1997. С. 229).

Эон. Согласно этимологии понятия « $\alpha\acute{\iota}\omega\nu$ » оно близко по значению русскому слову «юность»; $\alpha\acute{\iota}\omega\nu\omicron\varsigma$ соответственно не только «вечно существующий», но и вечно новый, возобновляющийся, начинающий сначала (Денисова, 2018. С. 217). В эпической поэзии (Гомер, Гесиод) понятие « $\alpha\acute{\iota}\omega\nu$ » не имеет прямого отношения к вечности, означая «жизнь», «жизненную силу». При этом $\alpha\acute{\iota}\omega\nu$ выступает в тесной связи с такими по-

⁵ Подробнее см.: Денисова, 2018. С. 224–225.

нениями, как душа (ψυχή), жизнь (βίος, ζωή) и смерть (θάνατος). Взаимосвязь жизни и смерти выражается в слове косвенно: там, где нет айона⁶, наступает смерть (Плешков, 2013. С. 218). В дальнейшем смысл αἰών расширяется: к полноте жизни, обозначаемой этим словом, добавляется установление взаимосвязи с понятиями божество (θεός), судьба (μοῖρα) и время (χρόνος), в итоге уже в исторических и ораторских произведениях полнота и длительность αἰών противопоставляется моменту времени χρόνος (Плешков, 2013. С. 219). И.Е. Суриков, рассматривая специфику лексемы αἰών, отмечает, что разница между αἰών и χρόνος заключается не в том, что первое более длительно, чем второе, но в том, что χρόνος подвижен и подвержен делению в отличие от неподвижного и неделимого αἰών (Суриков, 2010. С. 141).

Кайрос. Термин κайρός (кайрос), на первый взгляд, занимает гораздо более скромное место в смысловом поле темпоральных представлений античности. Однако этот термин не только достаточно активно использовался в античности, но получил последующее развитие как в Средние века и Возрождение, так и в современной культуре, что свидетельствует о богатстве схваченного в этом термине смысла.

Исходно слово «кайрос» имеет мифологическое происхождение – это сын Кроноса, божество благоприятного момента, почитавшееся в Олимпии (Словарь античности. С. 240)⁷. Насколько было установлено, кайрос впервые появился в «Илиаде», где он обозначает жизненно важное или смертельное место в теле, которое особенно подвержено травмам и поэтому нуждается в особой защите (Sipiora, 2002. P. 2).

Хотя темпоральное значение кайроса задается его «ментальностью» и обычно рассматривается как «время» или «правильное время». В отношении кайроса речь идет не о длительности и протяженности, а именно о точном, конкретном моменте. Это не промежуток времени, а «точка во

времени»: в итоге если χρόνος – «линейное время», то κайρός – «точечное время» (Суриков, 2010. С. 137). Кайрос – это уникальный момент, подходящий для реализации какого-то действия, замысла. Кайрос – это точка времени между началом и концом, «точка во времени, наполненная значением, заряженная смыслом, полученным из ее отношения к концу». И, наоборот, в некоторых случаях есть время, которое не имеет возможности (akairos) (Sipiora, 2002. P. 2).

Подчеркивается, что кайрос нес ряд значений в классической риторической теории и истории, включая «симметрию», «случай», «должную меру», «приспособленность», «такт», «приличие», «удобство», «пропорцию», «плод», «прибыль» и «мудрую умеренность». При этом в некоторых отношениях кайрос похож на другой главный термин – логос, в том, что оба понятия породили много важных определений и интерпретаций и несли серьезные последствия для исторической интерпретации (Sipiora, 2002. P. 1).

Кайрос оказался термином, важным для осмысления исторического времени. Собственно, кайрос и есть одно из проявлений исторического времени: кайрос – это случай по совпадению факторов или результат присоединения индивидуальных признаков или причин к сущностным. Причем кайросы представляют собой не просто какое-либо стечение факторов, а такое, которое можно назвать благоприятным или неблагоприятным для совершения некоторых поступков. Понятие «кайрос» как представление о времени связано не только с этическими, но и с ценностными идеями. Кайросы не только можно предвидеть, их необходимо учитывать в конкретной деятельности (Хвостова, 2009. С. 165).

Последующие интерпретации кайроса в богословии были связаны с тем, что кайрос несет в себе иное понимание темпоральности, противостоящее пониманию хроноса как «уходящему времени». Темпоральность кайроса – это когда событие «разворачивается во времени вне времени», кайрос представляется вертикальным и непротяженным. «Если хронос измеряется секундами, минутами, часами и годами, то кайрос ни-

⁶ Плешков настаивает на необходимости различать «эон» и «айон» (Плешков, 2013. С. 218).

⁷ Словарь античности. М.: Прогресс, 1989. 704 с.

как нельзя измерить, ведь он возникает лишь в Мгновении» (Мануссакис, 2014. С. 89).

В итоге можно заключить, что специфика кайроса как темпорального термина по сравнению с эоном и хроносом заключается в 1) его мгновенности и 2) его связи с волей действующего в определенный момент времени человека.

Вопрос о том, как шло осмысление времени в античной философии – это тема очень обширная, многоаспектная и сложная, составляющая предмет активных исследований современных авторов, и эта тема выходит далеко за пределы нашей статьи. Выделим только два имени – Платона и Аристотеля, без обращения к которым невозможно приблизиться к ответу на последний из поставленных выше вопросов: какие перспективы для представления о времени создает античность классической эпохи?

Главные идеи Платона о времени изложены им в одном из наиболее часто цитируемых произведений – диалоге «Тимей», посвященном изложению мироустройства и написанному около 360 г. до н. э. Для Платона исходным является деление всего сущего на мир вечного, неизменного бытия и подвижный мир становления. Соответственно, первому миру присуща вечность, второму – время, и эти миры соотношены между собой: демиург «замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности; устрояя небо, он вместе с ним творит для вечности, пребывающей в едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, который мы назвали временам» (Платон, 1994. С. 439–440).

П.П. Гайденко выделяет три основных момента в анализе времени Платоном: «1) то, что существует вечно, не рождено и не создано – это Единое, вечный образец; 2) то, что существует всегда (сотворено, но не подвержено гибели) – сам космос, и, наконец, 3) то, что существует временно (возникает и погибает) – изменчивые и преходящие эмпирические явления» (Гайденко, 2006. С. 6). Также отмечается, что Платон предзадал ответ, к которому будут прибегать все мыслители, стремящиеся совместить учение о тварности мира с эллинской онтологией вечного и неизмен-

ного: Бог создал мир не во времени. Само время не вечно, а сотворено вместе с космосом (Бородай, 2010. С. 112).

Таким образом, по Платону, время 1) есть подвижный образ вечности; 2) это космическая категория, так как явлено в движении космических тел; 3) время подчиняется закону числа.

Аристотель в своем понимании времени отчасти следовал своему учителю, но все-таки шел своим путем. Во-первых, он не принял идею о творении времени, считая космос вечным. Поэтому вместо понятия «вечность» он употребляет понятие «всегда», когда речь идет о вневременном бытии. Но следуя Платону Аристотель связывает время с жизнью космоса, с физическим движением (Гайденко, 2006. С. 7). Для Аристотеля вопрос о времени – это вопрос о сущем и несущем: есть всё-таки время или нет?

Главными пунктами понимания времени у Аристотеля можно считать следующее: 1) время – это «число движения по отношению к предыдущему и последующему» (Аристотель, 1981. С. 149); 2) единство времени заключается в «теперь», а «теперь» всегда привязано к некоторой движущейся вещи, хотя «теперь» – это не само время, а только его граница; 3) мера времени – движение небосвода; 4) время как непрерывная величина соотносится с моментом «теперь», который определяется самой вещью, изменяющейся во времени; 5) время невозможно без души, так как только душа может вести счет (момент «теперь» всегда чей-то, принадлежит какой-то душе, хотя бы и мировой душе).

Выводы

Отношение ко времени, формируемое в античной Греции к моменту ее наивысшего развития в классический период, отличалось сложностью и богатством образов, представлений и идей. Критическое осмысление исходных мифических представлений о времени было связано с ростом и развитием системы полисов, где усложнение социальных отношений с необходимостью вело к возникновению измерительных техник времени, к усложнению представлений о времени жизни че-

ловека, к возникновению фундаментальных идей о природе времени и понимания вечности. Но утверждать, что мифические представления греков о времени к середине IV в. до н. э. ушли в прошлое – все-таки нельзя. Одним из ярких подтверждений сохранения мифического восприятия времени в античной Греции служит образ Кайроса.

Античность видела мир как вечно вращающийся космос, соединяющий в себе и постоянство вечности, и изменчивость временности. Отношение греков ко времени не было однозначным. Это проявилось в таких принципиальных моментах как утверждение идеи вечного возвращения и циклического представления времени в целом, что получило отчетливую оформленность уже в стоицизме. Для греков время создано для наведения порядка, однако нерешенным остался главный вопрос: время – это инструмент в руках создателя мира (демиурга) или время – самостоятельная сила (Хронос)? И второй вопрос не находит ответа после обращения к рассмотрению ан-

тичных представлений о времени: нужна ли греку вечность?

Если попытаться выделить один, самый показательный пункт отношения греков ко времени – космическому, мифическому, историческому, политическому и др., то все-таки приходится признать, что вся многообразная жизнь грека проходила под знаком господства «сегодня» и «теперь». Аверинцев это выразил следующим образом: «Высшая мудрость античного человека состоит в том, чтобы доверять... не будущему, а настоящему, и его олимпийцы не могут лучше обласкать своего любимца, как подарив ему сегодняшней день в обмен на завтрашний» (Аверинцев, 1996. С. 37).

Это и господство победы олимпийского чемпиона, и господство победителя в одной из бесчисленных войн, и господство оратора над внимающими ему слушателями. И это двухтысячелетнее господство физики Аристотеля, основанной на утверждении того, что по-настоящему есть только «теперь».

Библиографический список

- Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 448 с.
- Алексина Т.А. Время в культуре мира // Вестник Российского университета дружбы народов (РУДН). Сер. Философия, 2002. № 3. С. 39–62.
- Аристотель. Сочинения. В 4-х т. М.: Мысль, 1981. Т. 3. 613 с.
- Аристотель. Афинская полиция. 2-е изд. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 161 с.
- Ахундов М.Д. Концепция пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М.: Наука, 1982. 222 с.
- Афонасина А.С. Измерение времени в Античности: клепсида и ее особенности // ΣΧΟΛΗ. 2016. Vol. 10. 2. С. 420–436.
- Бородай Т.Ю. Вопрос о вечности мира и попытка его решения Фомой Аквинским // Интеллектуальные традиции античности и средних веков. М.: Круг, 2010. Вып. 1. С. 107–121.
- Бюттен А.-М. Классическая Греция. М.: Вече, 2006. 384 с.

References

- Averintsev S.S. (1996) Rhetoric and origins of the European literary tradition. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. 448 p. (In Russ.)
- Aleksina T.A. (2002) Time in a culture of peace. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Filosofiya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser. Philosophy*. No. 3. P. 39–62. (In Russ.)
- Aristotel'. (1981) Essays. In 4 vol. Moscow: Mysl'. Vol. 3. 613 p. (In Russ.)
- Aristotel'. (1937) Athenian polity. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo. 161 p. (In Russ.)
- Akhundov M.D. (1982) The concept of space and time: origins, evolution, perspectives. Moscow: Nauka. 222 p. (In Russ.)
- Afonasina A.S. (2016) Measuring time in Antiquity: Clepsydra and its features. *ΣΧΟΛΗ*. Vol. 10. 2. P. 420–436. (In Russ.)
- Borodai T.Yu. (2010) The question of the eternity of the world and an attempt to solve it by Thomas Aquinas. *Intellectual traditions of Antiquity and the Middle Ages*. Moscow: Krug. Iss. 1. P. 107–121. (In Russ.)
- Bytten A.-M. (2006) Classic Greece. Moscow: Veche. 384 p. (In Russ.)

- Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М.: Ладомир, 2001. 419 с.
- Гайдено П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.
- Голосовкер А.Я. Избранное. Логика мифа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.
- Денисова Т.Ю. Время и вечность в онтологических моделях Парменида и Гераклита // Идеи и идеалы. 2018. № 4. С. 212–229.
- Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 3. Феноменология познания. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 398 с.
- Клейн Л.С. Время в археологии. СПб.: Евразия, 2015. 384 с.
- Кудрявцева Т.В. Народный суд в демократических Афинах. СПб.: Алетейя, 2008. 464 с.
- Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб.: Наука, 2014. 533 с.
- Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. 975 с.
- Мелетинский Б.М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература РАН, 2000. 407 с.
- Мануссакис Дж. Бог после метафизики: богословская эстетика. Киев: Дух і літера, 2014. 416 с.
- Платон. Собрание сочинений. В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
- Плешков А.А. Представление о времени и вечности у Платона и Плотина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии (РХГА), 2013. Т. 14. Вып. 3. С. 216–223.
- Савельева И.М., Поletaev А.В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
- Суриков И.Е. Темпоральные представления в Древней Греции полисной эпохи // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад. М.: Круг, 2010. С. 113–144.
- Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб.: Алетейя, 2009. 207 с.
- Хофмайстер Х. Что значит мыслить философски. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. 448 с.
- Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
- Черняков А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 460 с.
- Vidal'-Nake P. (2001) Black hunter. Forms of thinking and forms of society in the Greek world. Moscow: Ladomir. 419 p. (In Russ.)
- Gaidenko P.P. (2006) Time. Duration. Eternity. The problem of time in European philosophy and science. Moscow: Progress-Traditsiya. 464 p. (In Russ.)
- Golosovker A.Ya. (2010) Favorites. The logic of the myth. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 496 p. (In Russ.)
- Denisova T.Yu. (2018) Time and eternity in the ontological models of Parmenides and Heraclitus. *Idey i idealy = Ideas and ideals*. No. 4. P. 212–229. (In Russ.)
- Kassirer E. (2002) Philosophy of symbolic forms. Vol. 3. Phenomenology of cognition. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga. 398 p. (In Russ.)
- Klein L.S. (2015) Time in archeology. St. Petersburg: Evraziya. 384 p. (In Russ.)
- Kudryavtseva T.V. (2008) People's court in democratic Athens. St. Petersburg: Aleteiya. 464 p. (In Russ.)
- Lebedev A.V. (2014) Logos of Heraclitus. Reconstruction of thought and word (with new critical edition of fragments). St. Petersburg: Nauka. 533 p. (In Russ.)
- Losev A.F. (1996) Greek and Roman mythology. Moscow: Mysl'. 975 p. (In Russ.)
- Meletinskii B.M. (2000) Poetics of myth. Moscow: Vostochnaya literatura RAN. 407 p. (In Russ.)
- Manussakis Dzh. (2014) God after Metaphysics: Theological aesthetics. Kiev: Duh i litera. 416 p. (In Russ.)
- Platon. (1994) Collected Works. In 4 vol. Moscow: Mysl'. Vol. 3. 654 p. (In Russ.)
- Pleshkov A.A. (2013) The concept of time and eternity in Plato and Plotinus. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii (RKhGA) = Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. Vol. 14. Iss. 3. P. 216–223. (In Russ.)
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. (1997) History and time. In search of the lost. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. 800 p. (In Russ.)
- Surikov I.E. (2010) Temporal performances in ancient Greece of the polis era. *Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad = Time images and historical representations: Russia – East – West*. Moscow: Krug". P. 113–144. (In Russ.)
- Khvostova K.V. (2009) Byzantine civilization as a historical paradigm. St. Petersburg: Aleteiya. 207 p. (In Russ.)
- Khofmaister X. (2006) What does it mean to think philosophically. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet. 448 p. (In Russ.)
- Khyubner K. (1996) The truth of the myth. Moscow: Respublika. 448 p. (In Russ.)
- Chernyakov A.G. (2001) Ontology of time. Being and time in the philosophy of Aristotle, Husserl and Heidegger. St. Petersburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola. 460 p. (In Russ.)

Фор П. Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны. М.: Молодая гвардия; Палимпсест, 2004. 262 с.

Sipora P. Introduction: The Ancient Concept of Kairos // Rhetoric and Kairos: Essays in History, Theory, and Praxis, edited by Phillip Sipora and James S. Baumlin. Albany: State University of New York Press, 2002. P. 1–45.

Сведения об авторе

Шафоростов Александр Иванович,

доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии,

Иркутский национальный исследовательский технический университет,

664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,

✉ e-mail: ashafor@yandex.ru

Заявленный вклад автора

А.И. Шафоростов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 14 мая 2020 г.

Поступила после рецензирования и доработки 2 июня 2020 г.

Принята к публикации 15 июня 2020 г.

For P. (2004) Daily life in Greece during the Trojan War. Moscow: Molodaya gvardiya; Palimpsest. 262 p. (In Russ.)

Sipora P. Introduction: The Ancient Concept of Kairos // Rhetoric and Kairos: Essays in History, Theory, and Praxis, edited by Phillip Sipora and James S. Baumlin. Albany: State University of New York Press, 2002. P. 1–45.

Information about the author

Alexander I. Shaforostov,

PhD, Professor of the Department of History and Philosophy,

Irkutsk National Research Technical University,

83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,

✉ e-mail: ashafor@yandex.ru

Contribution of the author

A.I. Shaforostov carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received May 14, 2020.

Received June 2, 2020.

Accepted June 15, 2020.